

Наталия Полянская

Девятая жизнь

ЖИЗНЬ
БЕЗ ПРАВА
НА ОШИБКУ

История
с кошкой

История с кошкой

Наталия Полянская

Девятая жизнь

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полянская Н.

Девятая жизнь / Н. Полянская — «Эксмо», 2021 — (История с кошкой)

ISBN 978-5-04-116869-8

Жизнь Катьки идет привычным чередом: стабильная работа, обжитая и уютная квартирка и крепкие отношения, которые скоро перерастут в брак. Все меняется, когда на ее голову обрушивается внезапное горе – смерть самого близкого человека. Теперь Катьке предстоит выполнить все условия договора, чтобы вступить в права наследства, не потерять себя и понять: какая же она на самом деле – жизнь...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116869-8

© Полянская Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталия Полянская

Девятая жизнь

*Автор благодарит Валентина Филиппова и Азамата Тхакахова
за помощь в работе над книгой*

Глава 1

«Ненавижу заказуху».

Катька с ожесточением постучала карандашом по столу и тут же обернулась: не разбудила ли Игоря стуком? Нет, спит. В их небольшой студии даже не спрячешься: одна комната да кухня, все заставлено, забито, хорошо хоть свет нормальный. Художнику без света просто погибель. И без пространства. Катька ужималась как могла, однако ее не покидало ощущение, что она живет на складе. Конечно, дед не раз предлагал переехать обратно к нему, но та скорее была готова отгрызть себе локоть, чем пойти на его условия. Слишком много их, условий этих. Одно вон похрапывает на кровати. Катька завистливо вздохнула: в отличие от Игоря, у которого сегодня выходной, ей предстояло весь день работать над срочным проектом. У заказчика горели сроки, и завтра, в понедельник, надо кровь из носу сдать пятнадцать иллюстраций. А готово – шесть.

«Ненавижу. Ненавижу. Что бы придумать?»

Иллюстрации предназначались для книжки о тайм-менеджменте. Автор с гордым именем Борислав Соколов рассказывал всем, кто готов прочитать и узреть свет истины, как жить правильно, так, чтобы успевать миллион дел, лежа на пляже. Катька успешно одолела рисунок к разделу о прокрастинации, так как знакома с этим явлением была не понаслышке, и форзац, но вот глава о делегировании не поддавалась никак. В голове роились банальности: седой сенсей раздает указания смиренно внимавшим ученикам, люди в деловых костюмах стоят на кусочках пиццы, начальник указывает подчиненным, куда ставить элементы гигантского пазла... Все уже тысячу раз повторено, облизано и отрисовано. Не ею. А Катьке хотелось свеженького, искристого, как охлажденное шампанское. Чтобы шибало в нос и в душу.

– А-ы-ы-ы, – негромко провыла Катька, утыкаясь носом в ладони, и потом тихонько побилась лбом об стол. Иногда это помогало. Но сегодня не тот день. Когда она проснулась – три, четыре часа назад? И с тех пор сидит и мучается, кучу бумаги уже извела.

Может, пойти прогуляться? Или в кафе... Выпить кофе и сок, сменить обстановку. Наверное, «Одуванчик» уже открыт, они ранние пташки. Любимый столик, огромная чашка капучино, рисунок на пенке от бармена Сережи – составляющие успеха. Да, решено. Игоря будить бесполезно, он в выходные спит до полудня, а значит, можно бежать прямо сейчас.

Катька покидала в рюкзак скетчбуки, карандаши, кошелек и мобильник, наскоро причесалась (можно и не краситься – в «Одуванчике» ее видали всякой, в том числе с жесточайшего похмелья), влезла в короткие джинсовые шорты с бахромой (дед говорил – акулы обкусали), в первую попавшуюся майку и на цыпочках вышла в коридор. У входной двери были слышны заливистый лай соседской шавки, громкие голоса детей и музыка из чьего-то радио. Несмотря на ранний час, старый дом жил активной жизнью.

Пожалуй, Катьке это даже нравилось, хотя иногда и приходилось просыпаться в неурочный час от омерзительного звука дрели или пьяных выкриков под окном. Зато нескучно. Катька во всю ширину своей творческой души ненавидела новые вылизанные дома, где соседи здороваются друг с другом, а собак держат исключительно породистых, улыбающихся во всю пасть. Такие стерильные жилища – дом настоящей тоски, могила для творчества. Как, скажите на милость, видеть настоящую жизнь, если лестница твоя пахнет шампунем, на окнах стоят горшки с цветами, а на входе в подъезд сидит убийственно вежливый консьерж? А вот если на стенах граффити, на полу бычки, а пахнет отнюдь не розами, тут-то да. Тут просматривается бунт, достойный любой творческой души.

Дедов дом – некоторое исключение из списка выхолощенного жилья, но и он, и он проигрывает атмосфере старого, еще советского жилого фонда!

Спускаясь бегом по лестнице, Катька едва не наступила на тощего кота. Кому он принадлежал, до сих пор оставалось загадкой, – то ли склеротичной старухе Павловне с третьего, то ли алкоголику дяде Мише со второго, неизвестно. И как звать кота на самом деле, тоже никто не знал. Кликали то Барсиком, то Кузей, а то и вовсе Ферапонтом – это старый учитель придумал, живший этажом ниже Катьки. Почему-то имя Ферапонт шло коту больше всего: имелось в животном некое внутреннее достоинство, отрицавшее истинность Барсика и Кузи. Кота подкармливали все кому не лень, а он периодически таскал из подвала задушенных крыс и аккуратно выкладывал рядком у подъезда, к великому возмущению дворничихи тети Вали.

– Извини, – покаялась перед котом Катька и, присев, погладила его плешившую голову. Кот коротко мяукнул. – Чуть не сбила тебя. Ты не пропадай, Ферапонт. Я тебе потом сайры дам. Будешь сайру?

Кот благосклонным мурлыканьем обозначил, что сайру, несомненно, будет.

– Ты не знаешь, как нарисовать делегирование? – задумчиво спросила у животного Катька. Кот урчал, терся об ее коленки. – Нет, не знаешь. Ладно. Смотри, веди себя хорошо. Позже увидимся.

У каждого художника обязательно должно быть «свое» кафе, где можно творить, придумывать, встречаться с единомышленниками или даже устраивать жаркие дебаты. Как, например, парижское кафе «Гербу» у Эдуара Мане или римское «Греко» у Брюллова и Кипренского. В ресторанчиках особая атмосфера: вечная текучка, множество новых лиц, кухонный чад, хлопающие двери… Когда Катька раньше задумывалась о таком вот своем месте, то представляла себе Монмартр, где однажды побывала с дедом, и тамошние небольшие уютные заведения, пахнущие розмарином, и тонкие винные бокалы, и приглушенный свет.

На деле же у Катьки был «Одуванчик».

Любимое кафе художника должно называться как-то иначе. «Этуаль», например. Или «Английский клуб» – это для приверженцев классики. Но не «Одуванчик», где ожидаешь увидеть толпы мамаш с детьми и зашедших почитать газетку пенсионеров. Впрочем, пенсионеры с газетками – это тоже французские штучки, наши-то, постсоветские, таких изысков позволить себе не могут. В «Одуванчике» должны собираться глупо хихикающие малолетки, кривляющиеся в «Тик-Токе», или офисные крысы, а никак не художники.

Да и внешностью кафе на творческое место совсем не походило. Бесстыдно-светлое, словно вывернутое нутром для всех, немногое безликовое, будто каждый долженносить изюминку в интерьер вместе с собой, а не встречать ее тут, на месте. Уйдешь – и вспомнить нечего.

Так было, пока в «Одуванчик» не заявилась Катька.

Несмотря на то что кафе располагалось неподалеку от ее дома, она там до определенного момента ни разу не бывала, пробегала мимо. Взгляду не за что зацепиться, он и не цеплялся. Но в прошлом году Катьку по дороге домой накрыл такой осенний ливень, что пришлось срочно искать крышу над головой.

Тогда Катька ввалилась в «Одуванчик», некоторое время стояла на пороге, в прямом смысле обтекая, а потом негромко и отчаянно сказала:

– Ужас какой.

Безликость подобных заведений действовала на Катьку как таблетка депрессанта. Это она в десять лет придумала: если бывают антидепрессанты, то и депрессанты должны быть. Серенькие такие, неприметные таблетки; их принимают, чтобы не выделяться. Их прописывают тем, кто боится менять жизнь, самовыражаться, творить. Хочешь до пенсии жить в хомячьем колесе тупого существования? Выпей депрессант, и это не будет тебя парить.

Дед тогда громко хохотал над ее придумкой и с удовольствием рассказывал компаний, которая собиралась у него по субботам. Изысканные тетеньки и громогласные дяденьки хвалили Катьку за креатив, и девчонка млела.

О депрессантах Катька тогда владельцу «Одуванчика» и рассказала. Иван был сыном среднесостоятельных родителей, после института не знал, чем развлечься, и ему подарили кафе. В основном Иван там посиживал, гоняя на ноутбуке танки или боевых эльфов, и особо не заморачивался успехом свалившегося на голову заведения. Родителям тоже было наплевать. Не в минусах «Одуванчик», и слава богу. За счет расположения – спальный район Ясенево – и невысоких цен заведение, даже такое унылое, имело свою клиентуру, а остальное никого не волновало.

Катька не могла понять: как это – когда не волнует? Что это вообще за жизнь такая? Можно ли ее жизнью называть? Она втолковывала это Ивану битых два часа, и к тому моменту, как закончился дождь, «Одуванчик», тяжко погромыхивая, уже летел по стезе добродетели.

Иван, видимо, решил, что проще сказать «да», чем объяснить, почему нет, и выделил Катьке бюджет на изменение кафе. Название менять не стали: ходили сюда в основном мамочки с детьми и подростки, для них белое и пушистое – самое то. Вот Катька на этом и сосредоточилась. Купила в «Икее» искусственные мохнатые пледы, вместе с Иваном заменила кресла, развесила разноцветные гирлянды с лампочками, похожими на переевших шмелей… А потом уже, когда основа была создана, написала акценты – картины с одуванчиками. На одной ежи летали на пушинах, на второй, повешенной так, чтобы было видно с улицы, ядовито-желтый одуван принимал в гостях темно-синюю бабочку с чашкой кофе в лапке, а на третьей, особенно Катькой любимой, кот Ферапонт прятался в одуванчиковом поле. Кот был готов к прыжку и охотился на шмеля. От этой картины начиналась гирлянда, и выходило, что кот уверен в своих силах и рассчитывает поймать целый рой шмелей. Сожрать не сожрет, но славой великого охотника обзаведется.

Теперь Катьке самой было приятно сюда ходить, и, что немаловажно, публики тоже стало больше. Иван в благодарность сделал девушке пожизненную пятидесятипроцентную скидку, что было, конечно, приятно. Катька жила по принципу «художнику надо поголодать, иначе ничему не научится в жизни», однако отказать себе в хорошем кофе не могла. А тут такая экономия.

Глава 2

В «Одуванчике» Катька устроилась за любимым угловым столиком у окна, раскидала скетчбуки и карандаши, с благодарностью приняла от Сережи капучино, слопала пенку и затосковала.

Дед говорил, что нужно уметь делать и неприятную работу тоже. «Она испытывает твою силу воли, – утверждал дедушка. – Приносит деньги, на которые ты живешь. Ставит перед тобой нетривиальные задачи. Тебе это скучно, однако это вызов тебе как творцу. Какой ты творец, если с самого начала занимаешься исключительно приятным и делаешь только то, что в голову взбрело? Это деградация, милая моя. Нет ничего страшнее регресса».

Ему-то хорошо говорить. Дед в жизни всего уже добился сто лет назад, он еще при советской власти был известным художником. И все равно, Катька знала, брался за разное. С большей частью этого разного она категорически не соглашалась, считая чушью и размениванием взращенного таланта на ерунду, а дед говорил, что это вроде обливаний ледяной водой. Да, некомфортно ни разу, зато как закаляет, ух!

– Как видеть свои возможности, если ходить только в теплый душ? – пробормотала Катька дедову фразу. – Делегирование, значит.

Она посмотрела на картину. Кот Ферапонт крался за шмелем, а вокруг... Одуванчики. Кстати, почему бы и нет?

На середине отрисовки бизнесменов, зверски раздербанивающих одуванчик, Катьке позвонил дед.

– Я вот что подумал, – сказал он без «здравствуйте – до свидания», как обычно. – Встречаемся в два часа на «Кропоткинской» в «Хлебе насущном». О нем, родимом, и поговорим.

– Я вообще-то занята, – пробубнила Катька, тщательно прорисовывая бизнесмену шнурки.

– Творишь?

– Творю.

– Это ты молодец. Но в два часа я тебя жду. Але, «Незабудка», я «Сокол»!¹ Как слышишь меня?

– «Сокол», я «Незабудка», слышу тебя хорошо, и ладно, ладно, приду!

– То-то же, – сказал дед и отключился.

Катька вздохнула и посмотрела на получившийся рисунок. Бизнесмены скалились, готовые растерзать и друг друга, и несчастный обтрепанный одуванчик. Хищный оскал буржуазии, вот как. «Я художник, я так вижу».

В «Хлеб насущный» Катька опоздала минут на пятнадцать.

Можно было бы, конечно, и так пойти – в «акульих» шортах и непричесанной, чисто деду назло, – однако в последний момент девушка передумала. Ничего она этим не докажет, а вдруг с дедом будет кто-то еще? Катька понятия не имела, чему посвящена сегодняшняя внезапная встреча и что взбрело деду в голову на этот раз. Ее единственный родственник отличался редкостной непредсказуемостью.

Поэтому Катька забежала домой, сменила шорты и футболку на юбку, блузку и сандалии, наскоро вымыла голову и высушила волосы, а уж укладка – работа ветра. Игорь спал, его даже звук фена не разбудил. Ну, у каждого свои радости...

Дед, конечно, уже ждал ее. Когда Катька влетела в «Хлеб насущный», взмыленная, подрумянившаяся с ветром, молча встал и отодвинул для нее стул. Перед тем как сесть, Катька чмок-

---

¹ Цитата из фронтовой песни «Незабудка». Музыка Анатолия Лепина, слова Феликса Лаубе.

нула деда в щеку. Раньше бы и обняла, и прижалась… но детство закончилось, а взрослая жизнь слишком стремительна, чтобы разменивать ее на нежности.

– Катерина, если ты везде будешь опаздывать, тебя не станут воспринимать всерьез.

– Как говорил тот самый Мюнхаузен, господа, вы слишком серьезны! Умное лицо – это еще не признак ума, господа! Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица!

– Извинения приняты, – хмыкнул дед и уселся напротив. Катяка уперлась локтями в стол, положила подбородок на ладони и принялась рассматривать. Пожалуй, с дедом все хорошо. Седых волос прибавилось, ну так в восемьдесят три это логично. Щетина длинная: поленился бриться или не успел, увлекся, вон и пятнышко краски около уха. А вот одет с шиком: льняная рубаха, льняные же штаны на тон темнее, на руке – часы стоимостью с Катякиной студией, на безымянном пальце – кольцо с рубином, как у кардинала Ришелье. Катяка считала кольцо дикой безвкусицей, а дед говорил, что это китч и надо уметь.

Подбежала официантка, разулыбалась деду, «поплыла». Дед сделал заказ неторопливо, словно подкрадываясь к добыче, и припечатал финальным: «Девушке все то же самое и порцию сорбета!» Официантка покивала, а потом неодобрительно на Катяку покосилась. Ну да, есть чему завидовать: тощая и встрепанная как ворона, а ест – мужик не всякий такую порцию одолеет – и еще изволит обедать с харизматичным пожилым джентльменом. Фи.

– Как творчество? – поинтересовался дед. – Вспахиваешь ниву заказов?

– Вспахиваю, – согласилась Катяка. – Еще немного – и на машину накоплю.

– Катерина…

– Я уже двадцать семь лет Катерина.

– А я помню, – ухмыльнулся дед. – Только ведешь себя как в пятом классе. Возьми мою «Тойоту», чего ей в гараже стоять?

– Я накоплю.

– Ржавеет машина, пользовалась бы семейным имуществом…

– Мне немного осталось.

– Докинуть?

– Заказчики докинут.

Дед пожал плечами, не слишком удивленный ответом.

– А ты как? Все лоботрясов своих рисуешь?

– Рисую. О них речь и пойдет. Только поедим сначала.

«Так я и думала». Настроение у Катяки испортилось. Вот вечно так! Почему нельзя просто пообедать с дедушкой, обменяться новостями и разойтись – жить каждый своей жизнью? Непременно ему надо поуговаривать ее, непременно попытаться вовлечь!

Фалафель Катяка жевала без аппетита, снова вдохновилась только на сорбете. Дед заказал себе чашку кофе – «Самую громадную, девушка» – и теперь пил его, огненный и без сахара, черный и горький, сваренный чертами в ад.

– Тебе не вредно? – Катяка указала ложечкой на кофе. – Что твой врач говорит?

– Говорят, все мы смертны, а некоторые внезапно смертны, – философски откликнулся дед. – Так что нужно получать удовольствие, пока есть куда его получать. Я не пью, не курю, могу я хоть кофейком себя побаловать?

– Можешь, можешь. Только таблетки потом станешь пить, как давление скакнет.

– Возвращалась бы ты домой, Катя, – заявил дед без всякого перехода. – Может, хватит?

Катяка передернула плечами.

– Зачем? Стакан воды тебе есть кому подать, а у меня своя жизнь.

– Это я понимаю, – усмехнулся дед. – Птенец вылетает из гнезда и расправляет крылья. Но ты, по-моему, уже вполне уверенно держишься в потоках воздуха. И мне ты все доказала. Может, вернешься? У меня студия лучше.

– У меня тоже хорошая. А ты просто скучаешь.

– Не без этого.

Они улыбнулись друг другу.

– Что там с твоими балбесами? – Катька предпочитала побыстрее разделаться с неприятной частью разговора.

– С ними все в порядке. Едят, спят, тыгыдык. – Дед выучил последнее слово по Катькиной наводке и теперь часто его использовал: нравилось, как звучит. – Правда, тыгыдык небыстрый, так как хорошо кушают. Я с ними серию буду делать, и мне нужен помощник. Я бы предпочел тебя.

– Дед! – Катька поморщилась. – У тебя миллион учеников. Неужели неквалифицированная работа – удел единственной внучки, а не восторженных почитателей? Любого помани, он тебе все детали отрисует, лишь бы учиться у великого Литке! Да и натаскаешь их. Больше художников, хороших и разных!

– Чуйки у них нет, – сказал дед. – А у тебя есть.

– Черт с ней, с чуйкой. Давай по-честному? Я не хочу. Ты опять китч запрошишь, а я это не люблю.

– Не китч, – произнес дед, внимательно ее разглядывая. – Там другое немного... Я б тебе рассказал, да верю, что ты решительно настроена. Катерина...

– Да? – Она смотрела на него честными-пречестными глазами, уже понимая, что миновало. Дед взглянул в ответ, помолчал и вздохнул:

– Ничего, Кисточка...

Вот как он так умеет? Это же целый ритуал: дед зовет – она отказывается. Гордость, предубеждение, самостоятельность. Жаркие споры, иногда до слез (Катькиных, конечно). Имею мнение, оспаривать бесполезно. А тут – ничего. Впору забеспокоиться.

– У тебя температуры нет? – озабоченно спросила Катька. – Или камней в почках? Ты чего такой вареный?

– Я не вареный... – покачал головой дед. – Просто надеялся, что ты согласишься без всяких танцев своих обычных. Это для меня не самый типичный проект, даже идея не моя. Знакомый предложил, я согласился...

– Заказуха-а! – простонала Катька, борясь с желанием упасть лицом в мороженое.

– Пусть так. Но не совсем простая. Я б тебе рассказал, да толку слова тратить.

Лежащий рядом телефон завибрировал, на дисплее появилось имя Игорька. Проснулся, значит. Дед покосился, усмехнулся.

– Кавалер твой звонит? Наотдыхался?

– Игорь, как и я, тоже работает, между прочим.

– Да, продавцом в салоне сотовой связи.

– Не всем быть гениями. А ты сноб.

– Первостатейный... – не стал отрицать дед. – И получаю от этого удовольствие всю жизнь. Как я тебя этому не научил? Уму непостижимо.

– Все впереди, – буркнула Катька и сбросила звонок: с Игорем она во время встреч с дедом не разговаривала. – Доживу лет до пятидесяти и сразу заделаюсь снобом.

– Можно начать и раньше! – воодушевленно сказал дед. – Прямо сейчас! Собрать вещички и вернуться в логово зажравшихся гениев. Как тебе такая перспектива?

– Ты подозрительно меня сманиваешь... – Катька прищурилась. – Неужели так помочь нужна?

– Ты мне нужна, – грубо ответил дед и отвел глаза.

Катька молча на него смотрела. Посидели так минуты две, потом дед повернулся и спокойно произнес:

– Я не вечный, Катерина. И слишком старый для вот этих игр. Не хочешь переезжать – хоть появляйся почаще, а если мое общество тебе противно, скажи прямо. Ты же знаешь, я не люблю лжи и хождения вокруг да около...

– Не противен ты мне... – Катяка рассердилась. – Что за история! Я тоже скучаю. Просто работы много, я же учусь, шишкы набиваю, как мне велел великий ты. – Дед слабо улыбнулся. – И мы с тобой расходимся в творческих взглядах. Да! А ты мне доказываешь вечно, что твой путь единственно верный. А у меня – свой!

– Хорошо-хорошо, пусть свой. Но вот что я тебе предлагаю. На следующей неделе в Праге открывается выставка, несколько моих картин там будет. Как насчет в выходные туда слетать? Рулька, кнедлики, пиво. Считай это взяткой.

– М-м, взятка, как приятно звучит! – Вот это уже был привычный дед. От сердца отлегло. – Я подумаю и дам свой положительный ответ.

Давно они с дедом никуда не выбирались. Игорь переживет одни выходные без любимой девушки, а дед... Конечно, будет ворчать, но зато с ним не соскучишься.

Весь понедельник, вторник и даже кусочек среды Катяка предвкушала этот пражский вояж. Думала о том, как просторна и нетороплива Влтава в начале лета и можно будет покорить голубей и зайти в собор Святого Витта, где покрываешься мурашками от прохлады и красоты. Выпить пива, сгрузить на дедову тарелку ненавидимые кнедлики, сидеть вечером на набережной и говорить о миллионе вещей, глядя, как в реке отражаются фонари и звезды.

В среду, когда день неудержанно сваливался в вечер, Катяке позвонил Валентин Петрович Климанский.

– Катерина Филипповна, – сказал он, и та вдруг уронила кисть, которой раскрашивала гибискус на холсте, и вытянулась в струну – так резко и диссонирующее прозвучал голос. – Приезжайте, пожалуйста. Катерина Филипповна... его больше нет.

Теперь ехать в Прагу было не с кем.

Глава 3

Филиппа Ивановича Литке хоронили на Кунцевском кладбище – заслужил.

Хорошо, что сейчас не весна или осень, думала Катька, шагая по сухой и счастливой от солнца дорожке. Хорошо, что нет голых веток, ворон, каркающих вслед, тряпочно-серого неба и мерзкой мороси – не туман, не дождь, так, нечто среднее. Нет ничего, усугубляющего горе, шаблонного, словно стенания плакальщиц. Дед бы восстал из могилы и всех поубивал, если бы его так хоронили. Он однажды сказал, что непременно в день прощания будет солнце. Откуда он знал?..

Конечно, оркестр играл. И гроб был солидный, темно-бордовый, украшенный живыми цветами; только Катьке все казалось, что там, внутри, – не дед. В зале прощания, когда она подошла, то долго вглядывалась в дедушкино лицо, немного заострившееся и все же – непримиримое. «Смерть есть, но это лишь начало», – словно говорил дед. Катьке казалось, он сейчас откроет глаза и спросит ее, почему она так вырядилась и где платье в синий цветок – ох и любил он, когда Катька его надевала! Она уже и в чемодан это платье уложила, чтобы в Прагу везти. Но дед глаз не открывал, и в его неподвижности, в застывших чертах было что-то неправильное: нельзя, будучи настолько живым, быть мертвым.

Оркестр был, только вот играл он не тягучие мелодии, мерно загоняющие в могилу не только уже умерших, но и живых, а что-то светлое и высокое, будто летние облака. Они плыли по небу, кучерявые и очень деловые. Наверное, насчет музыки тоже дед распорядился, он не любил настолько важные дела оставлять на самотек. А когда гроб подняли и понесли, мелодия снова сменилась – и, несмотря на аранжировку, место и время, Катька сразу ее узнала. «Обыкновенное чудо», один из любимых фильмов деда.

«Давайте негромко, давайте вполголоса, давайте простимся светло. Неделя-другая, и мы успокоимся, что было, то было – прошло...»

Рядом плакали. Катька – нет. С того момента, как Валентин Петрович, личный помощник деда, позвонил и сказал... то, что сказал, Катька будто застыла, превратилась в дерево. Она даже слышала, как скрипят ее руки-ветки, как корка трещин разбегается по телу-стволу. Нужно было что-то делать, и Катька делала, нужно было ехать, понимать и смотреть, и она поехала, поняла и смотрела долго, очень-очень долго, чтобы запомнить до самого конца. До своего конца – она надеялась, тоже под круглым летним небом, под воркование голубей, переживавших очередной брачный период. Дед как-то сказал: «Я думаю, ты будешь жить долго, как и я», – Катька ему поверила. Жить и помнить, что у нее был дед, Филипп Иванович Литке, известный художник и самый лучший на свете человек.

Катька шла за гробом и глядела, как покачиваются цветы. На лепестках роз блестели капли, и Катька подумала: надо их нарисовать, красиво. Она обязательно нарисует. Впереди вот этот венок с четным числом роз, а за ним размыто – все остальное. Люди-силуэты, деревья-тени, звонкий июньский зной. Тогда, может, удастся вылить из себя черноту, что затекла внутрь и колышется там, будто чернильная жижа.

Речей не было. Дед не велел. Так и написал в распоряжениях, которые имелись у Валентина Петровича: «Над могилой моей трепаться не смейте, лучше пойдите и выпейте за упокой души! Да хорошо примите, не стесняйтесь!» Был заказан ресторан, куда часть провожающих должна отправиться сразу после похорон. А пока...

– Ты как? – спросил Игорь тихо, и Катька обнаружила, что все это время тот держал ее за руку.

– Нормально. – Что еще ответить на дурацкий вопрос?

– Держись, Катя.

Вот это дурацкое слово «держись»! Как будто она повисла над пропастью и болтается! Как будто она не сумеет выкарабкаться, выжить, как выживала всегда. О, у Катерины Литке опыт выживания имеется. И даже дед, который внезапно и подло перестал *быть здесь*, не может ее угробить. Она умеет стискивать зубы и идти вперед.

– Все нормально, – сказала она и вынула свои пальцы из ладони Игоря.

Нужно было постоять у могилы – и Катькаостояла.

Нужно было сказать закрывать гроб – и она сказала.

Нужно было бросить горсть земли – и Катька бросила. Отшла, пропуская к могиле Валентина Петровича; тот плакал, не стесняясь. Катька отвернулась. Там, в ящике, лежала лишь оболочка, выгляделвшая как дед. Сам дед просто был теперь не здесь. Где именно, Катька не знала, но полагала, что со временем разберется.

В ресторане сделалось шумно. Прощание на кладбище затянулось, все устали – от горя устаешь сильно и как-то тяжело, хочется лечь и спать. Но Катька понимала, что долг есть долг и последняя воля не просто так зовется волей. Она сидела за столом с Валентином Петровичем, несколькими близкими дедовыми друзьями и даже выпила рюмку водки, не закусывая. Игорь поехал на работу: не смог отпроситься надолго.

Катька опасалась, что вот сейчас-то и настанет время добротных речей, пересыпанных, как просом, «невосполнимыми утратами» и «глубочайшими соболезнованиями», однако и тут деду удалось ее удивить. Катьке все время казалось, будто он сидит рядом и подает реплики и именно поэтому разговор выходит таким непринужденным, звенищим и легким; фразы улетали с открытой веранды и растворялись, рассеивались, добавляли золотистости летнему дню. Черные одежды, да, но сейчас Катька различала их – вот антрацитовые пиджаки, вот платье цвета железной девятки, вот лакрица, а вот ночь. У нее самой была юбка фантомного черного и такая же блузка – призрак, мираж темноты, напоминание о том, что смерть – и факт, и обманка.

Деду бы понравилось.

Вспоминали его работу, забавные случаи, трогательные моменты (хотя последних было не так уж много – нежную часть души дед кому попало не демонстрировал). Говорили о поездках за границу, выставках и учениках. Катька в основном отмалчивалась: несмотря на то что слезы так и не пролились, в горле было колко и сухо. Она ограничилась одной рюмкой водки в самом начале: знала за собой, что пить как следует не умеет; не хватало расклейтесь у всех на глазах.

Часа через два после начала поминок Валентин Петрович отозвал Катьку в сторону.

– Если хотите уехать, Катерина Филипповна, так сейчас самый подходящий момент. Еще полчасика – и часть приглашенных перейдет, простите уж меня, в свинское состояние, а вам на это смотреть, наверное, не захочется.

– Дед говорил, что художнику должны быть интересны все стороны человеческой натуры: и ангельские, и сатанинские. А я тогда штудировала энциклопедию о растениях и с ужасом спрашивала у деда, кого убил сатанинский гриб… Вы правы, Валентин Петрович. Без зрелица пьяных поминок я как-нибудь обойдусь.

Дедов помощник легонько сжал ей руку.

– Все будет хорошо, Катерина Филипповна. И напоминаю, что в пятницу в двенадцать нас ждет нотариус.

– Да. Я думала, это больше времени займет. Пока документы оформят, пока найдется время для оглашения…

– По знакомству быстрее, вы же понимаете. За вами заехать?

Катька подумала и на этот раз отказываться от благ не стала.

– Да… хорошо.

Перед тем как уйти, она кое-что вспомнила:

– Валентин Петрович, а как там дедовы питомцы?

– За ними Мария Михайловна присматривает, как обычно. После оглашения будем решать, как быть. И вам нужно будет приехать.

– Конечно.

Она понимала, что ей предстоит еще долгое прощание с дедом – нужно разобрать его квартиру, понять, что он там написал в завещании (а сочинить дед мог что угодно, Катька в него верила), решить еще множество дел, и все это – без него.

Зато у нее есть собственный дом и Игорь. В доме она спрячется, как улитка в раковине, а Игорь придет с работы и обнимет ее. И станет немного легче.

Может, когда-нибудь и удастся смириться с тем, что люди внезапно смертны. Но определенно не сегодня.

Представительская машина деда – хищный черный «Мерседес» – смотрелась во дворе Катькиного дома странно. Как будто инопланетный корабль сел в деревне Большие Васюки, чтобы взять на борт плотника дядю Федора, который, оказывается, был шпионом с альфы Центавра.

Обласканная подозрительными взглядами мамаш с детьми и бабулек на лавочке, Катька скользнула на заднее сиденье.

– Добрый день, Валентин Петрович, Мария Михайловна.

– Добрый день, Катерина Филипповна.

Климанский сидел впереди, рядом с водителем, а домработница (главная по тарелочкам, как называла ее Катька) – сзади. Мария Михайловна была уворована дедом из столовой в безвестном городке, куда Литке как-то ездил с лекциями, и прикипела к дому, словно добрый дух. Катька без нее квартиру не представляла. Что теперь с ними всеми будет…

– Ничего, – пробормотала Катька, пристегиваясь. – Как-нибудь…

Мария Михайловна молча полезла в сумочку, достала оттуда сверток и сунула Катьке. Из свертка пахло: так пахло, что водитель повел носом и шумно вздохнул, но сдержался, не обернулся. Катька прижимала к животу еще теплый пирог, обязательный их с Марией Михайловной ритуал, и была близка к панике.

– Что он придумал с этим завещанием… – проворчала домработница, словно продолжая давний разговор (а может, так и было). – Ничего бы не писал, все отшло бы Катерине Филипповне, и не надо никуда кататься.

– Кататься все равно нужно было бы, однако вы неправы, – возразил Валентин Петрович. – Все-таки много имущества, Филипп Иванович фонды поддерживал, насколько я понимаю, там им часть отходит… Если Катерина Филипповна не оспорит, конечно.

– Упаси боги, – сказала Катька. – За кого вы меня…

– Я шучу. – Помощник обернулся к ней. Ему было лет пятьдесят: невысокий коренастый дядечка с залысинами, больше всего напоминавший заслуженного слесаря-сантехника. – Жизнь продолжается. Филипп Иванович особо настаивал, чтобы мы тут не убивались, а дело делали. Это я его слова повторяю, между прочим.

– Узнаю брата Колю, – процитировала Катька. За окном летела летняя Москва, нарядная, кружевная, и тени бежали по лицам. – Я уже поняла, что мне предстоит в это вникать.

– Вы знали, что так будет рано или поздно.

– Если бы меня не сбила машина раньше и не упал на голову кирпич.

– Но не упал и не сбила. И мы все здесь. Катерина Филипповна, что бы вы ни услышали…

Тут-то Катька и забеспокоилась.

– Он что-то учинил, да? – спросила она жалобно и покосилась на Марию Михайловну: та пожала плечами. – Что-то… в своем стиле?

– Пусть все огласит нотариус, – мягко заметил Валентин Петрович.

– І-ы-ы, – провыла Катька. Эти люди знали ее миллион лет, перед ними можно было лицо не держать. – Как же я его люблю.

– Он вас тоже любил. И сильно. Поэтому…

– Поэтому наверняка подложил мне свинью… – Катька кивнула.

– Не свинью, – усмехнулся Валентин Петрович.

До самого бюро нотариуса они молчали.

Вместе с водителем их проводили в небольшой зал, где уже толпились люди. Катька узнала представителей благотворительных фондов, нескольких дедовых знакомых и директора одной художественной гимназии. Кто-то подходил, что-то спрашивал, Катька отвечала. Среди этих сосредоточенных людей, деловито пришедших узнать, что им досталось, она чувствовала себя неуютно. Она уже больше недели не могла взять в руки карандаш, сроки работ горели (заказчики, впрочем, вошли в положение), а сейчас вдруг до зуда в пальцах захотелось взять кисть и нарисовать присутствующих – черными, широкими, злыми мазками. Чтобы потом замазать толстым слоем краски и не видеть больше никогда. Катька села в первом ряду и лишь кивала, когда к ней обращались. От нее быстро отстали.

Появился нотариус, и потянулась рутина. Проверить документы у всех присутствующих, свериться со списком, уточнить личности свидетелей. Вскрыть конверт хранения и распечатать завещание. Приступить к чтению.

Катька слушала вполуха. Ей было не то что все равно, нет, просто… нереально. Еще десять дней назад она пила кофе с дедом в «Хлебе насущном», думала о разной ерунде, и дед сказал, что скучает. Потом он прислал пару сообщений в WhatsApp, а потом случился тромб. Маленький такой тромб, оторвавшийся от стенки сосуда и оставивший Катьку одну. Врач сказал: умер мгновенно. Наверное, это хорошо. Но отделаться от чувства, что это глупый дедов розыгрыш, Катька до сих пор не могла.

Благотворительным фондам досталось столько, чтобы ушли довольными. Друзьям перепало кое-что из коллекции картин, которую дед собирали всю жизнь. Кое-какие его собственные полотна тоже отправлялись к друзьям и знакомым, пара десятков уходила картинным галерейям и музеям. Валентину Петровичу, не считая денег, дед отписал летний домик в Нелидове, а Марии Михайловне – квартиру-студию в районе Большой Никитской. Катька и не знала, что у него есть эта квартира. Специально для домработницы купил, что ли? С него станется.

И добрались до нее.

– «Катерине Филипповне Литке я завещаю все остальное мое имущество: квартиру и студию по адресу: Солянка, семь, дом в Переделкине по адресу: улица Роберта Рождественского, пять, коллекцию картин и старинных предметов (опись прилагается), содержимое моих банковских счетов и драгоценности (опись прилагается). Однако стать полноправной владелицей моего завещанного имущества моя внучка сможет лишь в том случае, если будут выполнены условия, которые следует озвучить в ограниченном кругу лиц (список прилагается) не позднее трех суток после оглашения официального завещания. В случае, если условия не будут выполнены или же Катерина Филипповна Литке откажется от права наследования, имущество перераспределяется следующим образом…»

Катька сидела, вцепившись в рюкзачок. Вот она, та самая свинья. Дед не мог уйти просто так, оплакиваемый единственной родственницей и друзьями, он обязательно должен был что-то учудить напоследок. Как часто он переписывал завещание и насколько устарели эти его непременные условия? Что нужно сделать? Выйти замуж за Валентина Петровича? Голой залезть на Эверест? Расписать Бульварное кольцо граффити в стиле Бэнкси? Если бы из вскрытого конверта с завещанием посыпались хохочущие эльфы, Катька бы не удивилась. Вокруг деда всегда творилось волшебство, но далеко не всегда – доброе.

Собрав подписи с присутствующих и отослав тех, кто свой кусочек уже откусил, нотариус предложил «ограниченному кругу лиц», в который вошли Катька, Валентин Петрович и Мария Михайловна, пройти в кабинет. Туда подали кофе и легкие закуски, но Катьке кусок в горло не лез. Вот кофе – это отлично. Горький, адский, черный. Под стать этому дню.

– Ну что же, – произнес нотариус, когда все немного расслабились, а секретарша принесла новый полный кофейник. – Мы с Филиппом Ивановичем долго обсуждали условия, которые он хотел внести в завещание касаемо Катерины Филипповны. Скажу честно, кое-где я его переубедил и попросил не усердствовать, это все-таки завещание, а не квест в фэнтезийном фильме. – Тут он улыбнулся Катьке, и та вдруг с удивлением осознала, что нотариус молодой, симпатичный и подтянутый. До этого воспринимала его как функцию – а сейчас увидела зеленые глаза.

– Я в дедушке все равно уверена, – сказала Катька недрогнувшим голосом. – Он не мог так просто переписать на меня имущество. Только скажите, Анатолий Эдуардович, – она с трудом вспомнила имя нотариуса, – насколько давно были внесены эти изменения?

– О, ваш дедушка был человеком современным и понимал, как быстро все меняется в этом мире. Поэтому мы пересматривали завещание и вносили правки каждые два месяца. Последний раз был за неделю до его кончины.

Катька чуть кофе не поперхнулась.

– То есть квест… свеженький? – пробормотала она. – Мне хана.

Валентин Петрович улыбнулся.

– Ничего такого, с чем вы не могли бы справиться, Катерина Филипповна.

Катька резко повернулась к нему, чуть кофе на платье не расплескала. Жаль было бы синие цветы.

– Вы же небось в курсе, что он там учудил.

– Да, но он взял с меня слово, что я не буду вмешиваться до оглашения. А потом приму любое ваше решение, каким бы оно ни было.

– И поможете мне повеситься, если я решу?

– Мыло для слабаков в шкафчике на кухне, веревка для слабаков в кладовке, – сказала Мария Михайловна, ни на кого не глядя.

– Я вас всех очень люблю, – от души сказала Катька. – Вы даже не представляете насколько! Заговорщики. Анатолий Эдуардович, прошу вас, читайте.

– Это вы должны читать. – Он протянул Катьке плотный конверт, на котором рукой деда было начертано «Катерине». – Ваш дедушка настаивал. Если хотите, мы выйдем, чтобы вам не мешать. Или можете отойти к окну.

Из окна лился свет, в нем вспыхивали и гасли пылинки. Катька некоторое время смотрела на конверт, а потом надорвала уголок. Так странно: дедушка лежит в земле, над ним поют деревья, и неподалеку ест червя ленивый крот. А здесь – написанное дедом письмо, словно он сейчас, живой, будет с Катькой говорить. Подарок, которого она не ждала. И что бы он там ни сочинил, этот невозможный, взбалмошный, сумасшедший старик, нынешний момент своей жизни она запомнит навсегда.

В конверте обнаружилось несколько сложенных вдвое листов бумаги, исписанных крупным дедовым почерком. Глубоко вздохнув, Катька развернула их.

«Здравствуй, Кисточка».

Она улыбнулась плотно сжатыми губами. Здравствуй, дед.

«Не люблю банальности, но если ты читаешь эту версию письма, то, значит, костлявая с косой до меня все-таки добралась. Что ж, каждому свой срок. Я прожил долгую жизнь (сегодня я могу утверждать это со всей определенностью!) и чрезвычайно ею доволен. Единственное, о чем буду сожалеть в последние секунды, если они мне достанутся, – что мы с тобой не провели вместе еще больше времени, не съели все пирожки Марии Михайловны и не объездили весь мир.

Ты ужে совсем взрослая, Кисточка. Это хорошо и плохо одновременно. Надеюсь, ты никогда не перестанешь в чем-то быть ребенком – искренне, чисто радоваться жизни, иногда видеть ее черно-белой, без всяких серых зон, плакать и смеяться так, как ты делала это в

восемь лет. Надеюсь, ты встретишь того, кто сможет делить с тобой мир на двоих. Прости старика, но твой Игорь для этого не годится. Он полезен тебе, ты через него познаешь кусок жизни, который не познать иначе, однако позже ты поймешь: не тот он парень, чтобы все время идти рядом. Впрочем, тебе решать. А я решил, чего тебе не хватает. Не сердись на меня за это: в данном случае со стороны виднее.

Если я ушел, а ты осталась, твоя жизнь переменится. Невозможно носить фамилию Литке и оставаться в стороне от того, что природа тебе отмерила. Она тебя щедро одарила, Кисточка, в твоих жилах – огненная кровь. Ты потомок драконов, что бы там ни думала об этом сама. Я знаю, какие мысли бродят в твоей голове: о том, на что ты имеешь право или нет, и сейчас я со всей определенностью говорю тебе – да, имеешь. Ты не слушала меня раньше и, боюсь, не услышишь сейчас, ибо ты упряма как тысяча чертей. Но есть способ тебе объяснить: именно им я и воспользуюсь.

Почти все, что я накопил и создал за свою жизнь, должно быть твоим. Ты достойна и сможешь этим владеть, и никого, кроме тебя, я не вижу своей наследницей. Если ты откажешься, меня ты не предашь, но подумай о том, как предашь себя. Уж этот-то факт должен быть тебе очевиден!

Кроме тебя, у меня есть Фред и Джордж. И теперь ты должна о них позаботиться. Не Валентин, не Маша, а именно ты. Никому другому я их не доверю. Ну а остальное...

Мой последний заказ связан как раз с Джорджем и Фредом. Валентин тебя просветит насчет стиля и размаха, покажет мои наброски и наработки. Это девять объектов в разных районах Москвы и Подмосковья. Спонсору тебя представят, суть дела объяснят. Ты должна выполнить эту работу за меня. Тогда и только тогда ты вступишь во владение наследством.

Почему? Во-первых, потому, что так надо. Просто поверь мне. Во-вторых, я обещал, а обещания я привык держать. Кое-какие работы мои неизбежно останутся незаконченными, но эта должна быть завершена. Возможно, ты поймешь почему. Возможно, нет. Это уже будет только твое – что ты надумаешь в процессе и что решишь сделать.

Мне бесконечно жаль, Кисточка, что мы не вечны. Не всем на этой земле я бы раздал бессмертие, но сам бы отхлебнул и с тобой поделился. Как жаль, что в одну человеческую жизнь влезает так мало... и вместе с тем – бесконечно много. Все зависит от того, откуда смотреть. Я надеюсь, ты отыщешь в себе именно то, что тебе нужно, и твоя жизнь будет столь же длинной и прекрасной, как моя. Или еще длиннее.

Бесконечно люблю тебя.

Филипп».

Катяка стояла, глядя на аккуратную подпись деда, и пылинки летели вокруг.

Потребовалось несколько минут, чтобы осознать, уложить, осмыслить. Потом она вернулась к столу и сунула письмо в рюкзачок. Нужно будет перечитать, но не сразу.

– Ладно, – сказала Катяка хрипло. – Что и где мне нужно подписать? И что надо нарисовать? Я ни черта не поняла.

– Котов, Катерина Филипповна, – сказал Климанский. – Вы будете рисовать котов.

Глава 4

По мнению деда, на закате жизни он наконец начал заниматься только тем, чем действительно хочет.

По мнению Катьки, дед съехал с катушек.

Он рисовал котов.

За свою долгую творческую карьеру дед собрал немало наград. Он был отличным портретистом и сносным пейзажистом; в советские годы изображал членов партбюро и горя не знал. Когда Катька однажды в период подросткового бунта попробовала обвинить деда в том, что он подстраивается под сильных мира сего и душит собственные творческие порывы, дед долго хохотал.

– Откуда ты знаешь, милая моя, что вот эта картина – не мой истинный творческий порыв? А может, я хотел нарисовать вице-премьера, ночами бредил, думая, какой фон положить и какие краски брать? Знаешь, как много романов о целине, колхозниках и доярках написали люди, душой горевшие за идею? Скажем, не все эти произведения были шедеврами, ну так и я не Брюллов!

Тут дед, конечно, немного лукавил. Он умел *видеть* людей – видеть их так, как они сами себя в зеркале не видали, отображать их суть, причем всегда выбирал, на чем поставить акцент. Когда Союз распался и можно уже было не опасаться лишения партбилета и творческих репрессий, дед начал позволять себе выделять на портретах не только положительные черты. До этого смотришь: вот секретарь обкома, может, немного занудный, зато надежный и последовательный человек. А после – дед и хитрость мог нарисовать, и злобу, и даже глупость, хотя вроде бы ничего особенного не было на картине. Сидит человек в антураже, смотрит на тебя или вдаль, но ты сразу понимаешь, каков он, хотя иногда даже словами выразить не можешь. Просто чувствуешь – и все.

Катька видела путь художника иначе, чем изображение тех, кто может за свои портреты отвалить кучу денег, а дед не гнушался эти деньги брать. И награды брал, и грамоты, и любил, когда его восхваляли, и вообще своей славой пользовался на полную катушку. Катька же полагала, что тщеславие – грех, а прогибаться под изменчивый мир – самое последнее дело. Дед полагал, будто мир прогибается под него, но Катька чувствовала по-другому.

Если уж тебе повезло быть проводником цветов, образов, форм, если тебя поцеловал в макушку ангел или достался набор генов, которые помогают тебе делать что-то не так, как другие, творчество твое должно идти прежде всего от души и делаться для народа. Ведь если есть у тебя талант, то народ в твоих произведениях как бы отдыхает душой, задумывается, тревожится – в общем, испытывает целый спектр эмоций, от которых делается лучше. В этом суть художника, писателя, певца. Таланты меняют мир, а презренное злато...

– Ты так говоришь, потому что живешь сейчас и горя не знаешь, – говорил дед.

Катька после училища взбрькнула и отчалила в жестокий мир зарабатывать свои собственные деньги. Дед не препятствовал. Он справедливо считал, что некоторые вещи должны оставить шрамы на нежной шкурке, иначе человек никогда ничего не поймет.

За несколько лет Катька сумела кое-как построить фундамент своего будущего величия (или просто хорошей работы, что вовсе не зазорно), купить квартиру-студию, повстречаться с подходящими и неподходящими парнями и остановить свой выбор на спокойном и надежном Игоре. Дружба с женщинами у Катьки как-то не складывалась, а вот мужчины охотно и друзьями становились, и возлюбленными.

Дед отмяк и принялся звать Катьку обратно, а она не шла. Филипп Литке любил привлечь внучку к своим проектам, утверждая, что это на пользу идет, но та слишком уж не любила «заказную» тусовку и не желала в нее вливаться.

– В кого ты такая упрямая? – задумчиво говаривал дед. Катька молчала. – А впрочем, чего я спрашиваю. Был у нас такой предок, Федор Иванович, знатный путешественник и исследователь Арктики. Мог бы стать совершеннейшей тряпкой, ибо детство его было безрадостным, однако же прогрыз себе путь, прогрыз… Или вот прадед твой, Николай Александрович! Хорошим был художником, уважаемым, и даже поехал на похороны Ленина в Москву в составе областной делегации. Сфотографировали их всей компанией на Красной площади. Представляешь, какое событие по тем временам? Прадед фото это повесил на стену и очень им гордился. А потом одного из тех, кто ездил в Москву тогда, взяли и расстреляли. Предатель родины, что с него взять. И всем остальным участникам той поездки было велено со стен фото снять и уничтожить. Да только не таков был твой прадед. Рассердился он знатно, взял фото, перевернул и на обратной стороне написал пейзаж. Так и висела эта картина в доме… И сейчас в Переделкине висит. И я еще спрашиваю, в кого ты удалась…

Катька снова молчала. У нее было что возразить деду, однако он очень не любил, когда внучка ему об этом напоминала. Зачем ворошить былое? Ничего не изменишь ведь…

А потом в жизни деда появились коты.

Катька так и не поняла, откуда взялись эти фантастические твари и где они обитали до того, как оказались в гигантской квартире на Солянке. То ли дед их нашел на какой-то выставке, то ли подарили ему, то ли вообще приволок с помойки, с него сталоось бы. Просто однажды Катька, придя в гости, обнаружила два жирненьких рыжих комочка в коробке и над ними – умиляющегося деда.

– Это что? – спросила Катька, заглянув в коробку и узрев розовые пятки и хвостики-огрызки.

– Это коты, – сказал дед и осторожно заскорузлым пальцем погладил одну из теплых спинок. – Рыжие.

– Капитан Очевидность! Зачем тебе коты?

– Затем, – отрезал дед. – Внучка родная ко мне редко заглядывает, а тут сразу две живых души.

– Назвал уже? – Катька уселась по-турецки рядом с коробкой и тоже погладила котенка. Сопит, смешной.

– Да вот как раз обдумывал. Кирилл и Мефодий, Маккартни и Леннон… Все не то, все не то.

– Они рыжие. Может, от цвета плясать? Ты же художник.

– Рыжие… рыжие… Фред и Джордж! – Дед аж загорелся. Катька вылупилась на него.

– Ты еще помнишь эту книгу??!

«Гарри Поттера» они одолели в Катькином отрочестве. Седьмую книгу дед читал неохотно и потом долго ворчал на Роулинг, считая, что она испоганила милую детскую сказку. А рыжие близнецы Уизли были одними из любимых персонажей.

– Прекрасная идея, Кисточка, – сказал дед. – Я же говорю, ты гениальна.

Через некоторое время умиление прошло, а коты остались.

Выяснилось, что они практически идентичны: одинаковая расцветка, одинаковый белый узор на груди и пузе. Только на хвосте у Фреда имелось крохотное белое пятнышко, и лишь по нему котов можно было различить. Дед баловал питомцев, и наглые твари, быстро сообразив, что попали сразу в рай, в прямом и переносном смысле сели людям на головы. Коты спали где хотели, жрали что хотели, и их никогда не ругали за опрокинутые цветы и испорченную мебель. Дед говорил, что заработал достаточно, чтобы не обращать внимания на такие мелочи. Пусть котики живут да радуются!

Катька и тут имела свое мнение. Она считала, что главный в доме все-таки дед, а не два жиртреста, хоть и ласковые, но шкодные. Поэтому котов при случае воспитывала и не забывала выписать волшебный пендель за особо тяжкие прегрешения. Фред и Джордж относились

к внучке хозяина настороженно, однако пакостить ей не решались. Один раз попробовали надкусить тапок… долго помнили, в общем.

Когда котам исполнился год, деда перемкнуло, и он начал их рисовать. Сначала, закрывшись в студии на неделю, сделал миллион набросков, а потом выдал одну за другой несколько картин красоты небывалой. Написаны они были сочно, ярко, крупно, словно тебе отломили арбузный ломоть лета и щедро присыпали осколками июльского солнца. Эти первые картины Катьке очень понравились. Тут подоспела очередная выставка, дед вывез свои творения, и внезапно нарисовались клиенты. Дед не отказывался, чего ж выпендриваться, когда деньги и слава снова валятся в руки?

Он написал известную балерину с Джорджем на руках, а Фред устроился на спинке кресла. Потом был еще политик, знаменитый своими провокационными высказываниями: тут коты сидели рядом, вытянувшись по струнке. Политик выложил фото картины в «Твиттере», балерина – в «Инстаграме»…

После этого в народных умах случилось массовое помешательство.

Внезапно оказалось, что иметь портрет от Литке «с котиками» – это хит сезона, писк моды и черт знает что еще. К деду выстроилась гигантская очередь, Валентин Петрович по секрету поведал Катьке, что двух жизней не хватит, чтобы всех желающих нарисовать. А ведь дед не только на портретах с людьми котов изображал, он еще и отдельно рисовал животных, и эти картины стоили баснословных денег.

– Коты правят миром, – посмеивался дед, наглаживая двух рыжих лоботрясов, а Катька мрачно смотрела на это и… да, немного завидовала, пожалуй.

Несмотря на то что дед твердил о ее гениальности, Катька совсем не была в ней уверена. То, что ей хотелось писать, она пока не выпустила наружу – все ей казалось, что это будет глупо и смешно. Хотя что может быть смешнее и глупее китчевых котиков, нарисованных заслуженным художником? Деду вообще было плевать, что о нем скажут недоброжелатели, как отзовутся критики об очередном творении и будет новая выставка или нет. Дед уже всего достиг, а Катька еще не начинала.

Может, поэтому, а быть может, по какой-то иной причине (самокопательством Катька не страдала от слова совсем), чем больше проходило времени, тем негативнее становилось отношение внучки к выбранной дедом генеральной линии партии. Его новый пейзаж – маленькая церковь Покрова на Нерли, и вокруг осыпающееся осенне золото, и сырость в воздухе – стоял незаконченным, серия акварелей по впечатлениям с Лазурного Берега пылилась по углам, а повсюду были только бесконечные наброски котов. И сами коты. Однажды, обнаружив кошащий ус в супе, Катька окончательно взбеленилась и высказалась деду все, что думает по поводу его придумки.

Дед, против ожиданий, не разозлился. Выслушал внучкину тираду, покивал и сказал, что ей еще предстоит дожить до тех лет, когда увлечение станет выше работы.

– Мне нравится, – сказал он, глядя на Катьку яркими голубыми глазами, как у викинга. – Ты можешь не верить, можешь сомневаться и осуждать, но мне нравится рисовать этих, как ты их называешь, лоботрясов. Я всю жизнь животных обходил стороной, все мне некогда было да неохота с ними связываться; это ж ответственность! Куда там детям и внукам! – Он усмехнулся, глядя на Катьку. – А тут – сразу два кота, и оба меня любят, а я их люблю. Вот и рисую.

Катька тогда покачала головой. Можно было бы обидеться – котов рисуешь, а меня нет! – только вот это была неправда. Дед постоянно рисовал внучку, и эти наброски карандашом, акварели и картины были для нее дороже всего на свете. С того самого первого дня, когда он несколькими штрихами изобразил ее профиль на листке в клеточку и показал Катьке, а она в ответ нарисовала его…

Теперь деда нет. А коты есть. И с этим предстоит что-то делать.

Глава 5

Визит к нотариусу вымотал Катьку так, что по возвращении домой она упала на кровать и проспала до самого вечера. Разбудил ее приехавший с работы Игорь – нежным поцелуем, как в кино.

– Привет. – Он сел рядом и погладил Катьку по плечам. – Как все прошло?

– Странно. – Она потерла глаза, зевнула и села, подтянув к груди острые коленки. Не женщина, а птица после голодной зимы… – Дед поставил условие. Мне предстоит закончить его заказ, и после этого я вступлю в права наследования.

«Права наследования». Как по-взрослому уныло, как по-бытовому это звучит. Бытовуху Катька тоже терпеть не могла. Бесконечное обеспечение собственного существования, создание относительного порядка вокруг, чтобы плесенью не засти, уборка, стирка, хождение в супермаркет за продуктами… Она выплескивала недовольство короткими злыми скетчами, однако бытовая жизнь валилась со всех сторон, одолевала. Катька знала, что так живет большинство. И дед так жил, пока не заработал много денег. Она сама проходила этот путь, чтобы осознать и прочувствовать; можно было бы жить на Солянке и горя не знать под крыльшком у Марии Михайловны. Но разве тогда удалось бы прорости сквозь асфальт упорным растрепанным одуванчиком?..

– Мне, наверное, придется пожить там несколько дней. У деда, – пояснила Катька. – Надо разобрать его бумаги, понять, чего он от меня хотел. В общих чертах я и так знаю: он взял какой-то заказ на изображение Фреда и Джорджа, но про все Валентин Петрович мне расскажет в понедельник. Коты тоже достались мне. – Она оглядела студию. – Пока не знаю, что буду делать…

– Надо – поживем. – Игорь кивнул. – От Солянки мне до работы ближе.

Катька замешкалась. Все равно придется сказать.

– Тут такое дело, Игорек… Пока не получу наследство, правила строгие. Я могу там жить, ты – нет. Такое распоряжение. Был бы ты моим мужем, дело другое…

– Ну так давай поженимся, – предложил Игорь. – Чего тянуть? Мы с тобой уже два года вместе, уживаемся неплохо, можем и в загс сгонять.

Катька вытаращилась на него.

– Это ты мне так предложение делаешь?

– Ну, – слегка засмушился тот, – вроде как. Я тебе по всем правилам могу сделать! – заторопился он. – Романтично! Хочешь? Просто ты говорила, что романтику не очень уважаешь. Что ты циничная, эмансипированная и современная девушка. Я вот и… я давно подумывал…

Катька захохотала.

Она смеялась впервые с того момента, как позвонил Валентин Петрович и сказал, что деда больше нет. Смех был злой, нервный, однако нес странное облегчение – даже слезы на глазах выступили. Хорошо, что в истерику не перешло. Катька вытерла глаза тыльной стороной ладони и сказала Игорю:

– Спасибо, конечно. Очень вовремя.

– Это я не подумал, – сконфуженно протянул Игорь и взлохматил светлые волосы, аккуратно уложенные. За своей внешностью он следил. – Только-только твоего деда схоронили… Прости. Неуместно.

– Все в порядке. – Катька погладила его по щеке. – Жизнь продолжается. Я над твоим предложением подумаю, потом дам ответ.

– Ладно… – Игорь вздохнул. – А как мы тогда… дальше?

Катька пожала плечами.

– Живи тут, не на съем же тебе ехать. Я просто часть вещей соберу на первое время, но это же моя квартира, вернее, наша. Как там разберусь и выясню, чего дед хотел, станет яснее. Переночую на Солянке несколько раз. Хочешь, завтра вместе туда поедем?

Игорь кивнул.

– Помогу тебе с вещами.

Ночью, лежа с ним в обнимку, Катька ни о чем не думала. Это было одно из самых ценных качеств Игоря: когда он прижал ее к себе, все размышления исчезали и наступала блаженная мысленная тишина. Просто существуешь, нет ни прошлого, ни будущего, только настоящее: теплое дыхание, теплый человек рядом и шум города где-то вдалеке.

Вещи Катька собрала быстро. Походный набор художника у нее всегда с собой, ноутбук тоже, планшет упаковали на раз-два, а потом она покидала одежду в спортивную сумку. У сумки трещал один шов, но Катька надеялась, до дедовой квартиры багаж выдержит.

В метро народу было немного: утренний поток, стремящийся прочь из города на выходные, уже иссяк. Игорь читал что-то на смартфоне (кажется, очередную книгу по личностному росту – самосовершенствовался), Катька же смотрела на свое отражение в вагонном окне и лениво, привычно размышляла: как так случилось, что у деда появилась именно она? Не белокурая красавица с зелеными глазами, не синеглазая Снежная королева, а она, Катька, тощая ворона, вечно встрепанная, будто проиграла битву с дворовыми котами. Дед был стильным, «в тренде», как принято говорить, она же… У нее свой стиль – его отсутствие. Интересно, не было ли стыдно деду, когда внучка сопровождала его на светских мероприятиях? Хотя туда Катька одевалась сообразно случаю. Дед никогда не сказал бы, но вдруг внутри он стыдился ее? Теперь и не спросишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.